

АПОКАЛИПТИЧЕСКОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО В ЕГО СИМФОНИЯХ

 Nazan COŞKUN^a

Аннотация

Концепция апокалиптического мироощущения занимает важное место в христианстве, как и во всех древних религиях. Апокалиптическое ожидание выражалось в различных формах в области философской мысли и литературы со времени принятия христианства на Руси. В этом мирознании, основанном на начале правления Небесного Царства, последний день суда относится к победе Христа. Путь к этой победе – поражение зла, символом которого является Антихрист, противостоящий доброте Христовой. Ожидание апокалиптического конца становится сильнее, особенно в переходные периоды человеческой истории. В этом смысле конец XIX века представляет собой весьма примечательный период. Апокалиптические ожидания, символизирующие второе пришествие Христа, с новой силой проявляются в обществе в конце XIX века. Вступление в новый век сопровождалось изменением мировоззренческих ориентиров российской интеллигенции. В нашем исследовании апокалиптическое ощущение и, соответственно, тема второго пришествия Иисуса Христа рассматривается в контексте так называемого “Симфонического периода” в творчестве Андрея Белого, начавшего свою литературную карьеру на стыке двух столетий. Апокалиптическое мировосприятие автора, впервые проявившееся в пьесе “Антихрист”, осмыслено его симфониями (“Северная симфония”, “Вторая драматическая симфония”, “Третья симфония — «Возврат»” и “Четвертая симфония — “Кубок метелей”), а также стихами, написанными им в связи с кризисным опытом. В результате исследования, проведенного методом текстуального анализа, стало очевидно, что апокалиптическое мировосприятие и ожидание второго пришествия Иисуса, соответствующее настроениям того периода, в котором поэт жил, занимали важное место в его раннем творчестве. Кроме того, установлено, что автор разделял апокалиптическое мироощущение, которое было доминирующим настроением того периода, однако, помимо этого, оно было и предметом его критики, поскольку было причиной к радикальному поведению среди московских мистиков. Наш итоговый вывод таков: В раннем творчестве Белого апокалиптическое ожидание — это не ожидание страшного конца, а скорее, предчувствие начала новой жизни, выраженное символом рассвета.

Ключевые слова: Русская литература, белый, симфония, Христос, антихрист, апокалиптическое мировосприятие.

^a Doç. Dr., Selçuk Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Konya/Türkiye, nazan_coskun@yahoo.com

ANDREY BELİYİN SENFONİLERİNDE APOKALİPTİK DÜNYA DUYUMSAYIŞI

Öz

Apokaliptik dünya duyumsayışı tüm kadim dinlerde olduğu gibi Hristiyanlıkta da önemli bir yere sahiptir. Göksel egemenliğin başlangıcına dayanan bu anlayışta son yargı günü İsa Mesih'in zaferine atıfta bulunur. Bu zafere giden yol, Mesih'in iyiliğinin karşısında yer alan Deccal ile simgelenen kötülüğün yenilmesidir. Rus düşünce ve edebiyatında Mesih'in ikinci gelişine atıfta bulunan apokaliptik son beklentisi, Hristiyanlığın kabulünden itibaren tartışılan önemli konular arasındadır. İnsanlık tarihinde bilhassa geçiş dönemlerinde sona dair beklenti güçlenir. 19.yüzyılın sonu da bu anlamda oldukça dikkat çekici bir zaman dilimini ifade eder. Bu çerçevede çalışmada; 1880 yılında Moskova'da doğan ve iki yüzyılın kesişme noktasında edebî kariyerine adım atan Andrey Bely'in "Senfoniler Dönemi" yaratıcılığı bağlamında apokaliptik dünya algısı ve dünyanın sonu ile ilişkili olarak İsa'nın ikinci gelişi konusu ele alınmıştır. Yazarın Deccal (Антихрист) adlı oyunu ile başlayan apokaliptik dünya algısı Senfonileri Kuzey Senfonisi (Северная симфония, 1903), İkinci Dramatik Senfoni (Вторая драматическая симфония, 1902), Dönüş başlıklı Üçüncü Senfoni, (Третья симфония — "Возврат", 1905) Tipiler Kadehi başlıklı Dördüncü Senfoni (Четвертая симфония-Кубок метелей, 1908) ve yaşadığı kriz deneyimi ile kaleme aldığı şiirleri ile harmanlanarak anlamlandırılmıştır. Metin analizi ve yazara dönük araştırma yöntemi kullanılarak yapılan çalışma neticesinde Bely'in erken dönem yaratıcılığında içinde yaşadığı dönemin ruh hâliyle uygun olarak apokaliptik dünya algısının ve İsa'nın ikinci gelişi beklentisinin önemli bir yer tuttuğu görülmüştür. Bunun yanı sıra yazarın dönemin baskın ruh hâli olan apokaliptik yaşam duyumsayışını paylaştığı ancak bu beklentinin Moskova mistikleri arasında radikal davranışlara yol açtığı için Bely'da eleştiri konusu olduğu da saptanmıştır. Sonuç olarak Andrey Bely'in erken dönem yaratıcılığında apokaliptik beklentinin korkunç bir son değil şafakla ifade edilen yeni yaşamın başlangıcı olduğu ve radikal davranışlardan uzak bir beklentiyi ifade ettiği görülmüştür.

Anahtar kelimeler: Rus edebiyatı, Andrey Bely, "Senfoni," İsa Mesih, Deccal, Apokaliptik Dünya Algısı.

ANDREY BELY'S APOCALYPTIC WORLDVIEW IN HIS SYMPHONY

Abstract

The apocalyptic perception of the world holds a significant place in Christianity, as it does in all ancient religions. Rooted in the notion of the beginning of the reign of the heavenly kingdom, this understanding refers to the Day of Final Judgment, emphasizing the victory of Christ. The path to this victory entails the defeat of evil, symbolized by the Antichrist, who stands in opposition to Christ's goodness. Within Russian thought and literature, the expectation of an apocalyptic end, referring to Christ's second coming, has been a significant topic of discussion since the adoption of Christianity. In human history, particularly during transitional periods, expectations of an apocalyptic end become more pronounced. The late 19th century, in this sense, represents a particularly striking period. Within this framework, this study examines the apocalyptic perception of the world in relation to the end of the world and Christ's second coming, as reflected in the creative works of Andrey Bely, who began his

literary career at the intersection of two centuries, specifically during his Symphonic period. The apocalyptic perception of the world, which begins with the author's play *The Antichrist*, is analyzed in connection with his Symphonies (Northern Symphony (First Heroic), Second Dramatic Symphony, Third Symphony: The Return, and Fourth Symphony: A Goblet of Blizzards) as well as his poetry, which was shaped by his experience of existential crisis. Using a descriptive and author-focused research method, the study concludes that in Bely's early creative period, the apocalyptic perception of the world and the expectation of Christ's second coming played a significant role, aligning with the prevailing spiritual atmosphere of his time. Moreover, it was observed that the author shared the dominant apocalyptic sentiment of the era. However, this expectation became a subject of criticism among Moscow mystics due to its association with radical behaviours. Ultimately, the study finds that in Bely's early creative works, the apocalyptic expectation does not signify a terrifying end but rather the dawn of a new life.

Keywords: Russian literature, Bely, Symphony, Christ, Antichrist, Apocalyptic Perception of the World.

Введение

Апокалиптическое мироощущение имеет решающее значение в христианской эсхатологии, и в рамках него Христос и Антихрист сосуществуют как два противоположных образа. На это указывает основная концепция христианства, касающаяся конца света – концепция Страшный суда, на котором произойдет второе пришествие Христа, и он победит Антихриста, символ зла, противостоящего Его вечной доброте. Так начнется царствование Царства Небесного. В этом контексте ожидание конца, определяемого вторым пришествием Христа, является доминирующим ожиданием в христианской эсхатологии. Это ожидание выражалось в различных формах в области философской мысли и литературы со времени принятия христианства на Руси. Одним из главных примеров использования сюжета о втором пришествии Христа в русской литературе является “Легенда о Великом инквизиторе”, задуманная Иваном Карамазовым, героем последнего романа Федора Достоевского “Братья Карамазовы”.

Апокалиптические ожидания, символизирующие второе пришествие Христа, с новой силой проявляются в обществе в конце XIX века. Мистическое, апокалиптическое ожидание конца света – главная черта конца века. Таким образом, именно в этот период данная тема получает своё отражение в заключительной части произведения Владимира Соловьёва “Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории”, а именно — в “Краткой повести об Антихристе- 1900”. В начале XX века она также интерпретируется в поэме А. Блока “Двенадцать” (1918) через образ *прекрасной дамы*. Значительное внимание, уделяемое данной теме, объясняется тем, что в XIX веке доминировало научное мировоззрение. Вера в то, что идеальную жизнь можно построить с помощью культа разума и науки, стала движущей силой развития человечества со времен Просвещения. Однако к концу XIX века культа разума и науки было уже недостаточно, чтобы придать смысл существованию. Новое убежище, призванное

придать жизни смысл — это декаданс, выраженный в разочаровании рационалистическим восприятием мира. Вступая в новый век, на российскую интеллигенцию начинают дуть новые ветры, по словам исследователя К. Мочульского, и “XIX век умирает в необычайной слабости.”¹

С началом 20 века реалистическое понимание искусства, свойственное предыдущему веку сменилось символизмом. Символизм сочетается с мистическим ожиданием конца, ставшим доминирующим настроением от конца века. Таким образом, в центре искусства и, в частности, литературы, оказываются религиозные темы. В связи с этим Андрей Белый, творчество которого является основным предметом нашего исследования, также объясняет значение искусства с чисто религиозной точки зрения и отмечает, что между искусством и религией нет границы: “С внешней стороны граница между искусством и религией отсутствует. Существует лишь разность в качестве и количестве образов, внутренне связанных. Назначение искусства- выражение идей; углубление же и очищение каждой идеи неизменно расширяет эту идею до мировой. Тут выступает религиозный оттенок всякой идейности в искусстве.”²

Помимо утверждения об отсутствии границ между искусством и религией, Белый также считает, что известные без религиозности и все формы религиозности должны быть преодолены, и он говорит о новой символической религии. Эта религия должна быть верованием, которое выражает конец света в Апокалипсисе:

“Мы должны преодолеть все формы безрелигиозного, но мы должны также преодолеть все формы религиозного; характер преодоления форм религиозной культуры есть религия *sui generis*; образное выражение этой религии в эсхатологии, религия Символа в этом смысле есть религия конца мира, конца земли, конца истории; христианство поднимается к религии конца в Апокалипсисе.”³

В контексте вышеизложенных суждений далее в нашем исследовании будет рассматриваться творческий период Андрея Белого, который мы можем определить как период симфоний, длившийся с конца XIX до начала XX века. Статья состоит из двух основных разделов и подразделов, в которых последовательно рассматриваются отдельные симфонии. В качестве основных методов исследования используются текстуальный анализ и биографическая критика, ориентированная на личность автора. Предполагается, что данная работа послужит отправной точкой для дальнейших исследований симфоний Андрея Белого в Турции. Несмотря на то, что в отечественной науке уже существуют труды, посвящённые антропософскому учению и роману “Петербург”, симфонии

¹ Konstantin Moçulskiy, *Andrey Bely, Novatorskoye tvorçestvo i liçniye katastrofi znamenitogo poeta i pisatelya-simvolista* (Moskva: Tsentrpoligraf, 2024), 25.

² Andrey Bely, *Sobraniye soçineniy, Kniga Statey* (Moskva: Respublika, 2012), 113.

³ Andrey Bely, *Sobraniye soçineniy, Simvolizm, Kniga statey* (Moskva: Kulturnaya revolyutsiya, respublika, 2010), 95.

писателя до настоящего времени остаются практически неисследованной областью.

1) Раннее творчество А. Белого

Андрей Белый, родившийся в Москве в 1880 году и начавший свой путь в литературе со своими первыми стихотворными опытами в 1898 году, написал Первую Симфонию, названную Северной Симфонией (героическая), в 1900 году и создал первые тексты всех четырех своих симфоний к 1904 году. В этом отношении симфонии Белого предстают как произведения, написанные в доминирующем в данный период апокалиптическом духе. Исследователь А. Казин утверждает, что Белый в своем творчестве всегда обращается к образу Христа и упоминает, что все творчество автора называется эстетическим христианством.⁴

Тем не менее в нашем исследовании в контексте симфоний Белого будут рассматриваться не эстетическая христианства, а апокалиптические настроения и сюжет второго пришествия Иисуса Христа, связанный с концом света. В творчестве Андрея Белого, начавшего свою литературную деятельность в конце XIX века, в период, называемый Серебряным веком, следует искать следы апокалиптического мировосприятия в его индивидуальном жизнеощущении. Белый родился и вырос в Москве в семье, где сосуществовали между противоположные личности матери-музыканта и отца-ученого. Противоположные мировоззрения матери и отца отразились в Белом следующим образом: Мать видит в сыне художника, а отец - ученого. Помимо этого контраста, Белого больше всего поражает то, что он вырос, слушая взрослых: “Мои первые детские переживания сильно окрашены музыкой и разговорами отца, а также посещавших его знакомых, на философские, научные и политические темы, в которых я ничего не понимал, но к которым прислушивался внимательно; я рос один (сестер и братьев у меня не было): потому-то и внимал разговорам взрослых.”⁵

Как мы видим из собственных слов автора, его первые детские впечатления целиком основаны на разговорах гостей отца-ученого. Позже темы разговоров претерпят существенные изменения, ибо в 1895 году в жизни Белого началась новая эпоха, когда он познакомился с семьей Михаила Соловьева, брата известного философа того времени Владимира Соловьева. Этот дом, в котором часто бывал Владимир Соловьев, — одно из мест, лучше всего отражающих господствовавшее настроение того времени. Одной из главных проблем, обсуждавшихся в этом доме, который посещали многие известные имена того времени, были неопределенные духовные стремления к будущему. Главным фактором, определяющим эту ситуацию, является апокалиптическая вера в то, что в этот период неминуемо рухнет нынешний мировой порядок, изменится судьба человечества и процесс исторического развития, а христианский мир ждут сильные потрясения и

⁴ Aleksandr Kazin, “Hristiyanskaya tema v tvorčestve Andreyea Belogo sovetskogo perioda,” *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* 84 (2015): 91–95.

⁵ Andrey Bely, *Literaturnoye nasledstvo, Andrey Bely Avtobiograficheskiye svodi* (Moskva: Nauka, 2016), 20.

перемены. Эта вера неизбежно поднимает вопрос о втором пришествии Иисуса и его борьбе с Антихристом. В этом контексте образ Иисуса включен в творчество Белого в пьесе “Антихрист”, над которой он начал работать в 1898 году, в соответствии с мистическими ожиданиями конца века, то есть в пьесе отразились настроения эпохи.

Автор не завершил эту работу, но “Пришедши”, являющийся одной из драматических частей задуманного изначально произведения, был полностью отредактирован и опубликован в альманахе “Северные цветы” издательства “Скорпион” в 1903 году. Еще один драматический раздел “Пасть ночи” было опубликовано в журнале “Золотое Руно” в 1906 году. “Антихрист” — первое юношеское произведение Белого, о котором он говорил без сарказма в зрелые годы, а апокалиптическое мировосприятие, отраженное в произведении, имеет автобиографическую основу.”⁶ Белый рассказывает о переживании, давшем толчок к написанию “Антихриста”, так:

“Апрель-май. Папа уезжает в командировку (председателем экзаменационной комиссии); я держу экзамены в 8-ой класс; но сказываются итоги моего годового “лентяйничества”: я проваливаюсь, получая переекзаменовку по греческому, которую скрываю от родителей, что меня сильно угнетает; я настроен пессимистически; более того: мой пессимизм переходит в какую-то зловещую тревогу; за несколько недель до экзаменов со мной происходит очень сильное мистическое переживание на Страстной неделе, в церкви Троицы, что на Арбате. Во время великопостного богослужения разворачивается картина, как бы пророческая, - огромного будущего: я вижу 2 купола “Храма Славы”, к которому взойдет человечество; мне начинает казаться, что в этот Храм придет Антихрист; и как молния, разрезает мысль, что все неясное и зловеще смутное, что живет в душе, - налет смутного ощущения пришествия Антихриста; предстает впервые отчетливо мысль о Конце всемирной истории (до Владимира Соловьева); потрясенный, я выбегаю из церкви, бегу на Воронухину гору (над Крымским Мостом), и проносится передо мною ряд ослепительных картин ненаписанной драмы-мистерии “Пришедший” (т.е. Антихрист); вечером этого дня я записываю план сцен “мистерии”, а в ближайшие дни набрасываю сцену, которая впоследствии (в испорченном виде) была напечатана в сборнике 3-ьем “Северные Цветы” С той поры я часто уожу на Воронухину гору, смотрю оттуда на весенние закаты; и думаю о грядущих судьбах человечества и искусства; в эти миги во мне начинает вынашиваться отчетливо моя линия будущей “проповеди символизма”; первый сдвиг от пессимизма чрез катастрофизм (конец мира) к религиозному символизму и христианству я пережил в эту грустную весну, удрученный переекзаменовкой.”⁷

⁶ Aleksandr Lavrov, *Andrey Bely v 1900-e godi. Jizn' i literaturnaya deyatel'nost* (Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 1995), 31.

⁷ Bely, *Literaturnoye nasledstvo*, 48.

Даниэла Рицци считает пьесу “Антихрист”, которую Белый создал, вдохновившись описанным выше опытом мистического переживания, драматической переработкой христианского учения об Антихристе и втором пришествии Иисуса. Тем не менее по мнению исследователя, хотя в основе сюжета и лежит история миф об Антихристе из Нового Завета, в творчестве Белого нельзя игнорировать наличие влияния таких важных писателей, как Достоевский, Ибсен, Чехов, Гете и Соловьев.⁸ Как уже известно “Великий инквизитор” Достоевского считается ярчайшим образцом этой темы в русской литературе. Еще одно имя, которое необходимо принимать во внимание, – Владимир Соловьев. Как мы уже упоминали выше, в этот период Белый находился в тесной дружбе с семьей брата Владимира Соловьева – Михаила Соловьева. Вовремя, когда Андрей Белый начинал свой путь в литературе, Михаил Соловьев был можно сказать его покровителем и изобретателем собственно имени “Андрей Белый.” Как известно, настоящее имя Белого – Борис Бугаев, и ему приходится использовать псевдоним, потому что он боится своего отца-ученого. В этом контексте Белый, близко знакомый с философией Соловьева, также знаком с его трудом “Повесть об Антихристе” благодаря своей близости с Михаилом Соловьевым и его семьей. Белый даже утверждает в своих воспоминаниях, что Михаил Соловьев любил его “Антихриста” больше, чем произведение Владимира Соловьева: “М. С. Соловьев после говорил мне, что мой отрывок ему более нравится, чем “Повесть об Антихристе.”⁹ По мнению самого Белого, работа Соловьева, завершенная в 1900 году, была удачным и пророческим выражением его стремлений, которые он не мог полностью выразить два года назад. Но главное по мнению исследователя Лаврова что Борис Бугаев, будучи еще совсем молодым человеком, пришел к тем же мистическим пророчествам, что и Соловьев, главный философ того периода.¹⁰

2) 20 век: Введение в симфонии

Андрей Белый в самом начале XX века продолжает в своем творчестве, доминировавшую в конце XIX века тему апокалиптического ожидания и второго пришествия Иисуса. Это связано с тем, что поэт воспринимает вступление в новый век как знак всеобщей трансформации. В этом контексте Лавров, поясняет мысли молодого писателя следующими словами:

“Начало нового столетия ощущалось как знамение новой эры, несущей с собой глобальное преобразование всего сущего. Своим мистическим устремлениям Белый находит прочную опору в христианских идеях и образах, которые раскрываются для него прежде всего как символический язык, позволяющий истолковать то или иное событие внешней или внутренней жизни как священное предзнаменование.”¹¹

Белый вступает в новый век с апокалиптическим чувством, работая над своим первым произведением в симфоническом жанре. Как мы уже говорили,

⁸ Daniella Rizzi, “Misteriya Andrey Belogo “Antihrist,” *Russian Literature XXXIV* (1993): 487–518.

⁹ Andrey Bely, *Literaturnoye nasledstvo*, 54.

¹⁰ Lavrov, *Andrey Bely v 1900-e godi*, 32.

¹¹ Lavrov, *Andrey Bely v 1900-e godi*, 52.

доминирующим настроением периода является апокалиптическое ожидание, и Белый обращается к симфоническому жанру как к форме, в которой он может передать этот дух времени на пороге нового века:

“Мистико-апокалипсическое сознание Белого находит прочную опору в христианских идеях и образах, которые раскрываются для него прежде всего как символический язык, позволяющий истолковать то или иное событие внешней или внутренней жизни как священное предзнаменование. Однако новый, теургический взгляд на мир требовал и принципиально нового художественного отражения, новых эстетических форм, способных передать апокалипсический ритм времени.”¹²

а) Северная симфония (Первая героическая)

Главной темой первого произведения Белого- Северной симфонии (Первая героическая), законченной в конце 1900 года, в начале века стали борьба света с тьмой, светлой бесконечности с темным временем.¹³ В первой части король и королева, бросившие свой народ, поселились в башне, окруженной огромными лесами. Эта башня находится далеко от их родины. В этой башне родилась дочь короля и королевы. Однажды король узнает, что его народ попал в беду, и идет на помощь народу. Однако сначала умирают старый король, а затем королева, и незадолго до смерти она отдает свою принцессу в вечность. Когда принцесса передается в вечность, влюбленный в нее молодой рыцарь участвует в сатанинских ритуалах. Принцесса пытается спасти его силой бесконечности. После того, как принцесса спасает тонущего рыцаря, на первый план выходит ожидание апокалиптического финала:

“Настанет день нашего вознесения...

И меркнет счастье сумерек пред новым, третьим счастьем, счастьем

Духа-Утешителя...”¹⁴

Однако это апокалиптическое ожидание не негативно. Герои со свободной радостью ждут времени, вознесения на небеса:

“Они пришли в свое камышовое жилище. Замечтались в сонной сказке.
Это была последняя ночь.

Они видели сон... Кто-то белый, в мантии из снежного тумана, гулял
вдоль озерных пространств, роняя в озерную глубину свои тающие
улыбки, чуть-чуть грустные.

Над его головой сверкал зеленоватый нимб. Они узнали в Нем своего
камышового отшельника.

И он говорил им невыразимым голосом: Белые дети!

Белые дети, вознесем в свободной радости с утренним ветерком!

¹² Andrey Bely, *Sobraniye soçineniy, Simfoniya* (Moskva: Respublika, Dmitri Seçin, 2014), 384.

¹³ Moçulskiy, *Andrey Bely*, 26.

¹⁴ Bely, *Sobraniye soçineniy. Simfoniya*, 52.

И сквозь сон слышали они птичий свист: то на отмелях сидели птицы-мечтатели и наперерыв высвистывали случившееся.”¹⁵

Первая симфония завершается ударом серебряного колокола, символизирующего счастливой, новой жизни:

“А уж вдали слышался голос странного старца, призывающего всех, к белой радости, ...

Ударил серебряный колокол.

На озере, там, где косматый утес оброс соснами, жил старик.

Он пробудился на заре. Сонный взошел на вершину. Ударил в серебряный колокол.

Это был знак того, что с востока уже блеснула звезда Утренница.

Денница...

Ударил серебряный колокол.”¹⁶

Лавров интерпретирует удары серебряного колокола в финале Северной симфонии как апокалиптический фон неоконченной авторской мистерии об Антихристе и указывает на то, что последняя часть произведения наполнена ожиданием сошествия Духа Утешителя.¹⁷ Сам Белый утверждает, что во время работы над Северной симфонией они с Сергеем Соловьевым находились в совершенно апокалиптическом настроении:

“Мы с Сережей углубляемся в толкование Евангелия <...> Наш мистический опыт этого времени — узвание апокалиптических переживаний в связи с “белым” цветом; смеясь, мы говорим друг другу, что исследуем “белые начала” жизни; в них — веяние наступающей великой эры пришествия Софии Премудрости и Духа Утешителя; в таком настроении пишу последнюю, 4-ую часть “Северной симфонии”, являющуюся переходом к 2-ой Симфонии, вполне апокалиптической.”¹⁸

в) Вторая симфония (драматическая)

Как видно из приведенной выше цитаты, Белый находится в совершенно апокалиптическом настроении, когда пишет последнюю часть Северной симфонии и переходит к написанию своей второй симфонии. Однако в период работы над второй симфонией поэт говорит о том, что настолько сильно ощущается конец истории, апокалиптическое ожидание утрачивает свою суть. По этой причине в предисловии ко Второй Драматической симфонии он заявляет, что одна из трёх главных целей симфонии — критика мистического радикализма: “Второй смысл — сатирический: здесь осмеиваются некоторые крайности мистицизма. Является вопрос, мотивировано ли сатирическое отношение к людям и событиям,

¹⁵ Bely, *Sobraniye soçineniy. Simfoniya*, 53.

¹⁶ Bely, *Sobraniye soçineniy. Simfoniya*, 53.

¹⁷ Lavrov, *Andrey Bely v 1900-e godi*, 63.

¹⁸ Bely, *Literaturnoye nasledstvo*, 59.

существование которых для весьма многих сомнительно. Вместо ответа я могу посоветовать внимательнее приглядеться к окружающей действительности.”¹⁹

Фактически апокалиптическое мировосприятие полностью овладело Белым. Тем не менее Белый считает, что эта мировосприятие, развитое и возвращенное Владимиром Соловьевым, искажена. Точнее, Белый разделяет доминирующую идею мистического ожидания, но критикует поведение и практики, связанные с этими ожиданиями. Вторая симфония, созданная в 1901 году, через год после Первой, отражает непосредственные переживания Белого в этом отношении, и, по словам автора, 1901 год был для него годом мистического напряжения и открытий:

“Этот год переживался мною, как единственный год в своем роде: переживался он максимальной напряжением; первая часть его мною переживалась, как исключительно благая: это был первый год нового столетия, так сказать новой эры; (...) Для меня этот год был годом максимального мистического напряжения и мистического откровения; все лето 901 года меня посещали благие откровения и экстазы; в этот год осознал я вполне веяние Невидимой Подруги, Софии Премудрости.”²⁰

Апокалиптическое ожидание очень сильно в восприятии мира молодым автором в 1901 году, он воспринимает это время как исключительное в своей жизни, и вторая симфония написана под влиянием этого ощущения:

“Сережа прибегает ко мне возбужденный, со словами: “Уже началось”. Нам 3 дня кажется, что уже начались события огромной апокалиптической важности; мы формулируем нашу мистическую символику приблизительно в таких терминах: Дух Утешитель будет иметь в истории такое же воплощение, как Христос; он родится младенцем; его мать - женщина, которая будет символом Церкви (Жены Облеченной в Солнце), рождающей новые слова, Третий Завет; “Жена Облеченная в Солнце” - София; Мария родила младенца Иисуса; София родит Духа Истины; Дух Истины - трактовался мною, как “белый всадник Апокалипсиса, открывающий эпоху кратковременного сияния Истины пред началом окончательного гонения на нее. Воссияние звезды было знаком для нас с Сережей, что “младенец” уже родился; “белые начала” - печати Духа: венцы его окружения; мы делим людей на “белых” и не “белых”; мы исследуем “белизну.”²¹

В этом контексте Белый, открывающий новые мистические переживания и питающий апокалиптическое ожидание, полностью меняет внешнюю структуру в первой симфонии. Тогда как события Первой симфонии происходят в безлюдной местности, в башне, окруженной лесами, сюжет Второй симфонии развивается в крупном городе – Москве. Городские массы, состоящие из сумасшедших, воров, стариков и пьяниц, изображены как вершина социального зла, а доминирующим образом же является скука. Однако в городе течет и мистическая жизнь, во главе

¹⁹ Bely, *Sobraniye soçineniy. Simfoniya*, 56.

²⁰ Bely, *Literaturnoye nasledstvo*, 57.

²¹ Bely, *Literaturnoye nasledstvo*, 59.

которой стоит Сергей Мусатов. Мусатов слышит “зов вечности” и ждет наступления дня спасения. В этом ожидании он влюбляется в голубоглазую женщину, которую уподобляет, “Жене Облеченной в Солнце.” По его убеждению, эта женщина родит Спасителя Иисуса. Белый устам Мусатова во Второй симфонии “провозглашает явление миру апокалиптического “младенца”, рожденного “женой, облеченной в солнце”. Это явление понимается как новый этап богооткровения, как воплощение Духа-Утешителя.”²²

Тем не менее переживается большое разочарование, ибо рождается не мальчик, который будет единственным спасителем-мессией, а девочка. Это событие можно рассматривать через призму критики Белым поведения мистиков того времени. В центре драматической симфонии находится критика мистического радикализма, и в произведении появляется знаменитый философ Владимир Соловьев:

- “1. В тот час в аравийской пустыне усердно рычал лев; он был из колена Иудина.
2. Но и здесь, на Москве, на крышах орала коты.
3. Крыши подходили друг к другу: то были зеленые пустыни над спящим городом.
4. На крышах можно было заметить пророка.
5. Он совершал ночной обход над спящим городом, усмиряя страхи, изгоняя ужасы.
6. Серые глаза метали искры из-под черных, точно углем обведенных, ресниц. Седеющая борода развевалась по ветру.
7. Это был покойный Владимир Соловьев.
8. На нем была надета серая крылатка и большая, широкополая шляпа.
9. Иногда он вынимал из кармана крылатки рожок и трубил над спящим городом.
10. Многие слышали звук рога, но не знали, что это означало.
11. Храбро шагал Соловьев по крышам. Над ним высыпали бриллианты звезд.
12. Млечный Путь казался ближе, чем следует. Мистик Сириус сгорал от любви.
13. Соловьев то взывал к спящей Москве зычным рогом, то выкрикивал свое стихотворение:
Зло позабытое
Тонет в крови!..
Всходит омытое
Солнце любви!”²³

²² Mihail Yakovlev, *Religioznoye otkroveniye v poezii Andrey Belogo: Monografiya* (Orehovo-Zuevo: Mgoi, 2012), 37.

²³ Bely, *Sobraniye sochineniy, Simfoniya*, 95–96.

Хотя Белый и ставит в центр драматической симфонии критику московских мистиков того времени, как мы уже говорили, он разделяет суть их мыслей. По этой причине произведение заканчивается верой в ожидание апокалиптического счастливого конца:

“8. Отец Иоанн говорил: это была только первая попытка... Их неудача нас не сокрушит... Мы не малoverны, мы многое узнали и многого ждем...

9. Они стояли не на истинном пути. Они погибли... Мы ничего не выводим, ни о чем не говорим... Мы только ждем, Господи, Славу Твою.

10. И разве вы не видите, что близко... Что уже висит над нами... Что недолго осталось терпеть... Что неожиданное близится...

11. И на это собеседник отца Иоанна ответил, допивая вторую чашку чаю: так, Господи! Я знаю Тебя...

12. И они молчали... И они молча слушали вечное приближение... И казалось — что-то летело с шумом и пением...

13. И казалось — где-то за стеной близились чьи-то шаги.”²⁴

с) Третья симфония (Возврат)

Белый завершил Третью симфонию “Возврат” в 1903 году. В этом произведении апокалиптическое чувство, отражавшееся во второй симфонии заменено Ницшеанским учением о вечном возвращении. Учение Ницше о вечном возвращении, понимаемом как бесконечное повторение, указывающее на особый тип ответственности, отличающийся от традиционной морали, занимает важное место в истории Хандрикова.

При прочтении первой части произведения создается ощущение, словно сбылись апокалиптические желания Андрея Белого и началось вневременное райское существование. Это ощущение создается автором через сюжет сна героя симфонии Хандрикова. Во сне присутствует старик, создающий вокруг Хандрикова космические миры и защищающий ребенка от злых мифологических существ. Здесь Хандриков изображается в своей предземной жизни в виде маленького светловолосого мальчика. Во второй части происходит возвращение Хандрикова к мирской жизни. Магистр Хандриков ведет жалкую земную жизнь, доводящую его сначала до безумия, а затем до самоубийства. Доцент кафедры химии Цэнх – символизирует злобных существ первобытного существования Хандрикова в его новой, земной жизни. Между двумя жизнями героя есть связь, и он время от времени это чувствует. В третьей части симфонии герой вновь возвращается в мир вечности ребенком. Как видно, в произведении нет ощущения апокалиптического конца, который произойдет со вторым пришествием Иисуса. Напротив, здесь прослеживается влияние Ницшеанского учения о вечном возвращении. Собственно говоря, 1903 год, когда он завершил Третью симфонию, Белый видит как год вне своего апокалиптического мировосприятия, и эту ситуацию он видит как искушение, попытку Антихриста коварно приблизиться к его сердцу: “1902 год

²⁴ Bely, *Sobraniye soçineniy, Simfoniy*, 144.

для меня по сравнению с 1900 и 1901 годами – антиапокалиптический год в смысле внутреннего преодоления в себе внешней апокалиптичности; в этой внешней “апокалиптичности” я вижу нечто соблазнительное; это – “бес”; это – подкрадывающийся к сердцу антихрист.”²⁵

d) Четвертая симфония- Кубок метелей

Белый, видевший демоническое искушение в уходе от апокалиптического мировосприятия, вновь обращается к теме апокалиптического ощущения и второго пришествия Иисуса в четвертой симфонии “Кубок метелей”, которая является его последним произведением в симфоническом жанре. Белый объясняет то, что сильное апокалиптическое мировосприятие проявляется с новой силой в четвертой симфонии пережитым индивидуальным опытом. Однажды вечером, когда он гулял по полям вовремя заката, он внезапно ощутил дуновение ветра, который заставил его почувствовать в своей душе второе пришествие Иисуса. Голос ветра как бы говорил ему: “Оно уже началось!” По мнению Белого, эта истина, которую поведал ему ветер, устраняет “внешнюю апокалиптичность”, овладевшую его душой в 1902 году, и ведет его к внутреннему апокалиптизму, голосу вечности, возвещающему второе пришествие Иисуса.²⁶ Адам Петрович, герой Четвертой симфонии, влюбляется в Светлову, жену старого инженера, и погибает на дуэли с ним. Светлова заменяет утраченную ею земную любовь, любовью божественной и присоединяется к секте Хлысты. Хлысты представляли собой мистико-аскетическое движение в православной среде, сформировавшееся в России в XVII веке. Их учение основывалось на стремлении к непосредственному и экстатическому единению с Божеством, минуя традиционные церковные институты.

Адам Петрович восстает из могилы и становится путешественником-адептом. Можно сказать, что основной целью четвертой симфонии, над которой поэт долго работал и вносил множество поправок, являлось представление счастливого апокалиптического финала. Посылкой к появлению замысла стал вышеупомянутое личное переживание поэта. На это указывают и строки симфонии, написанные непосредственно по возвращении домой после данного переживания:

“Дни текут. Времена накаплиются. Надвигается незакатное, бессрочное.

Просится: “Пора мне в этот старый мир: пора сдернуть покровы, развить пелены, налететь ветром, засвистать в уши о довременном.

Воздушно-мировые объятия мои распахнулись бестрепетно.

Я несу парчовые ризы всех вещей.”²⁷

Тема Иисуса, которую Белый развивает в оригинальной редакции Четвертой симфонии, со второй половины 1902 года стала важнейшей проблемой его

²⁵ Bely, *Literaturnoye nasledstvo*, 77.

²⁶ Bely, *Literaturnoye nasledstvo*, 78.

²⁷ Bely, *Sobraniye sochineniy, Simfoniya*, 258.

внутреннего мира.²⁸ Мысли поэта об Иисусе можно найти в письмах, которые он писал в этот период. Одно из них — письмо Белого Александру Блоку от 27 января 1903 года. В письме, говоря о двойственности природы, Белый также утверждает, что природа принадлежит Богу и содержит в себе все начала. По его словам, для человека, живущего на поверхности, закрыто понимание целостности природы, которая священна и принадлежит Богу. Однако с появлением Иисуса был открыт путь к достижению божественности в природе, и тень смогла “исчезнуть”: “До Христа не было средств глубоко окунуться в интимное мира, чтобы увидеть во всем. Это извне Затененное, Божье. Христос помог нам, дал средства к преодолению. Началось медленное искупление. Мировое очищение, продолжаясь, отражается в искусстве именно не путем соединения добра и зла, а путем прохождения от внешности к центру сквозь строй зла.”²⁹

В стихотворении, которое Белый в этот период отправил Блоку, он также упоминает, что Иисус скоро придет:

“На сердце безумное что-то...
И в теле- холодная дрожь.
Весь день не стихает работа...
Подвозят пшеницу и рожь.
Телеги влекут, громохая,
С полей многоверстных овес...
Недавно мне тайно сказали,
Что скоро вернется Христос.
Когда я молился, тоскуя,
О Средь влажных, вечерних лугов –
“Холодную ночью приду я”
- Поднялся таинственный зов!”³⁰

В период с конца XIX века до первого кризисного периода 1904 года сильны ощущения апокалиптического видения в контексте круга Аргоната, пионером которого был Белый. В творчестве Белого в этот период апокалиптическое настроение, ожидание второго пришествия Иисуса, переплетается с темой рассвета. Однако с середины 1903 года вера в рассвет начала внутренне угасать.³¹ Таким образом, первый литературный период, творчества Белого начавшийся с написания “Антихриста”, завершается в результате пережитого кризиса определением поэтом себя как лжепророка. Художественным плодом этого периода стала книга стихов “Золото в лазури.” В 1904 году, когда “Золото в лазури” было опубликовано, Белый переживал период кризиса, в ходе которого он постепенно терял веру в “наступление рассвета.” Большая часть стихотворений

²⁸ Lavrov, *Andrey Bely v 1900-e godi*, 95.

²⁹ Andrey Bely & Aleksandr Blok, *Perepiska. 1903-1919* (Moskva: Progress-Pleyada, 2001), 35.

³⁰ Andrey Bely, *Sobraniye stihotvorenyy* (Moskva: Nauka, 1997), 106.

³¹ Lavrov, *Andrey Bely v 1900-e godi*, 126.

сборника написана в 1901-1903 годах, и можно проследить, как поэт постепенно переживает крушение не только надежд на зарю будущего, но и сомневается в собственной миссии. Стихотворение “Возмездие”, опубликованное в сборнике “Золото в лазури”, – одно из самых ярких выражений заблуждений поэта в его апокалиптических устремлениях:

“Се, кричу, вдохновенный и дикий:
И опять я подкошен кручиной.
Еще радостный день не настал.
Слишком рано я встал над низиной,
слишком рано я к спящим воззвал.
И бегут уж с надеждою жгучей
на безумные крики мои,
но стою я, как идол, над кручей,
раздирая одежды свои.”³²

Заключение

В результате можно сказать, что проследить следы апокалиптического мироощущения и ожидания второго пришествия Христа во всем творчестве Андрея Белого возможно, но это выходит за рамки данного исследования. Апокалиптическое восприятие мира в творчестве Андрея Белого представляет собой долгий путь, берущий начало в христианской эсхатологии и развивающийся в сторону ницшеанской философии и софийской мистики. Как ученик Штирнера, Белый продолжал свои поиски, на протяжении всего своего творчества пребывая в напряжённом существовании между мистическим ожиданием конца и стремлением к построению мирской жизни. Поэтому мы завершаем наше исследование симфоническим периодом творчества Белого. В рамках нашего исследования обсуждались произведения от “Антихриста”, над которыми Белый начал работать в 1898 году, но не завершил, до первого издания Четвертой симфонии. Главным фактором, определяющим наш выбор, является то, что раннее творчество Белого представляет собой своеобразный путь развития, на котором он еще не вступил в сложные, утомительные и скорбные отношения с двумя другими важными поэтами того периода — Валерием Брюсовым и Александром Блоком, а также сильное влияние теософского учения Штейнера еще не началось. В этом контексте следует подчеркнуть, что апокалиптическое мировосприятие и ожидание второго пришествия Иисуса, соответствующие настроением периода, в котором Белый жил, имели важное место в становлении Белого как писателя и поэта. Иисус — олицетворение борьбы вечности против тьмы Антихриста для человечества, находящегося в своего рода кризисе вступления в новый век. В период творчества Белого, известный как период симфоний, среди опубликованных им произведений особое место занимает “Северная симфония”, отражающая свет, символизируемый Иисусом, против тьмы Антихриста. Ожидание

³² Bely, *Sobraniye stihotvoreniy*, 353.

апокалиптического конца героями, ждущими времени вознесение на небо, — это обнадеживающее ожидание. Та же надежда присутствует и во второй симфонии молодого автора. В третьей симфонии, озаглавленной “Возврат”, автор утрачивает надежду на апокалиптический конец. Но Белый чувствует в этой ситуации дьявольское искушение и в Четвертой симфонии возвращается к теме счастливого конца. Однако с 1903 года в убеждениях Белого, основанных на надежде и ожидании, произошел разрыв. Молодой поэт переживает потрясение в своих представлениях о будущем и своей собственной миссии. Однако апокалиптическое ожидание в “симфонический период” его творчество было для Белого не страшным концом, а началом новой жизни, символизирующей Рассвет и хотя эта надежда угасла в душе Белого после 1903 года, в симфонический период она оставила за собой представление о конце не как о гибели, а как о заре — о мистическом начале новой жизни.

Bevanname:

- 1. Etik Kurul İzni:** Etik Kurul İzni gerekmemektedir.
- 2. Katkı Oranı Beyanı:** Yazar, makaleye başkasının katkıda bulunmadığını beyan etmektedir.
- 3. Çıkar Çatışması Beyanı:** Yazar, herhangi bir çıkar çatışması olmadığını beyan etmektedir.

Declarations:

- 1. Ethics approval:** Not applicable.
- 2. Author contribution:** The author declares no one has contributed to the article.
- 3. Competing interests:** The author declares no competing interests.

KAYNAKÇA

- Bely, Andrey & Aleksandr Blok. *Perepiska. 1903–1919*. Moskva: Progress-Pleyada, 2001.
- Bely, Andrey. *Literaturnoye nasledstvo. Andrey Bely Avtobiyoğrafiçeskiye svodi*. Moskva: Nauka, 2016.
- Bely, Andrey. *Sobraniye soçineniy. Kniga Statey*. Moskva: Respublika, 2012.
- Bely, Andrey. *Sobraniye soçineniy. Simfoniye*. Moskva: Respublika, 2014.
- Bely, Andrey. *Sobraniye soçineniy. Simvolizm. Kniga statey*. Moskva: Kulturnaya revolyutsiya, respublika, 2010.
- Bely, Andrey. *Sobraniye stihotvoreniy*. Moskva: Nauka, 1997.
- Bely, Andrey. *The Symphonies*. New York: Columbia University Press, 2021.
- Kazin, Aleksandr. “Hristiyanskaya tema v tvorçestve Andrey Belogo sovetskogo perioda.” *Vestnik Novgorodskogo gasudarstvennogo universiteta* 84 (2015): 91–95.
- Lavrov, Aleksandr. *Andrey Bely v 1900-e godi. Jizn’ i literaturnaya deyatel’nost*, Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 1995.
- Moçulskiy, Konstantin. *Andrey Bely. Novatorskoye tvorçestvo i liçniye katastrofi znamenitogo poeta i pisatelya-simvolista*, Moskva: Tsentrpoligraf, 2024.

Rizzi, Daniela. "Misteriya Andrey Belogo "Antihrist." *Russian Literature XXXIV* (1993): 487–518.

Yakovlev, Mihail. *Religioznoye otkroveniye v poezii Andrey Belogo: Monografiya*. Orekhovo-Zuevo: Mgogi, 2012.

